

Мифопоэтическое пространство бани в стихотворениях Б. А. Слуцкого и В. С. Высоцкого

Илья Алексеевич Александров, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия),
aleks-ilia91@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170024709-8

АННОТАЦИЯ: Образ бани, имеющий в истории русской словесности глубокие мифопоэтические корни, находил воплощение и в произведениях советской литературы. Так, в стихотворениях «Баня» Б. А. Слуцкого и «Банька по-белому» В. С. Высоцкого создаются архетипные образы бани, которые, несмотря на включенность в них реалий советской жизни, проявляют свою архаичную синкретическую природу. Сюжет посещения бани реализован разговором о прошлом — военно-фронтовом в первом случае и лагерном во втором. Связующий для двух текстов мотив очищения, духовного и физического, аккумулирует изменение темпоральных границ сюжета. Как пространство пограничное и сакральное, локус бани словно переносит героев в прошлое. Характерно, что для передачи таких смыслов поэты прибегают к одним и тем же доминантам художественного языка. Поэтика повторов и однородностей, с помощью которой осуществляется ориентация на уподобление устно-разговорной, а не литературно-книжной речи, погружает читателя в мир сказочности и раскрывает концепт рая. В то же время стихотворение В. С. Высоцкого можно расценивать как логическое продолжение «Бани» Б. А. Слуцкого: лагерное прошлое лирического героя «Баньки по-белому» восполняет пробел в изображении картины времени. Вступая в диалог с текстом Б. А. Слуцкого, стихотворение В. С. Высоцкого делает образ эпохи целостным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б. А. Слуцкий, В. С. Высоцкий, баня, мифопоэтика, очищение, прошлое, поэтика повторов и однородностей

для цитирования: Александров И. А. Мифопоэтическое пространство бани в стихотворениях Б. А. Слуцкого и В. С. Высоцкого // Русская речь. 2023. № 1. С. 103–113. DOI: 10.31857/S013161170024709-8.

The Language of Fiction

Mythopoetic Space of Banya in Poems of B. A. Slutsky and V. S. Vysotsky

Il'ya A. Aleksandrov, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia),
aleks-ilia91@yandex.ru

ABSTRACT: The image of the banya (a Russian steam bath) with its deep mythopoetic roots in the history of Russian literature is embodied in the works of the Soviet literature as well. Thus, the poems “Banya” by B. A. Slutsky and “White Banya” by V. S. Vysotsky create the archetypal images of the bathhouse, which, despite the realities of the Soviet life described in them, manifest their archaic syncretic nature. The plot of the banya visit is represented by talking about the past — the military one in the first case and the labour camp one in the second. The motive of spiritual and physical purification connecting the two texts, accumulates the change of the temporal boundaries of the plot. As a borderline and a sacred space, banya locus seems to take the heroes into the past. It is typical that poets resort to the same dominants of artistic language in order to express such meanings. The poetics of repetitions and homogeneities, with the help of which the orientation towards assimilating oral-colloquial rather than literary-book speech is carried out, immerses the reader in the world of fabulousness and reveals the concept of paradise. At the same time, the poem by V. S. Vysotsky can be regarded as a logical continuation of Slutsky’s poem: the camp past of the lyrical hero depicted in “White Banya” fills the gap in the representation of the picture of that period. Initiating a dialogue with the text of B. A. Slutsky, the poem by V. S. Vysotsky makes the image of the era complete.

KEYWORDS: B. A. Slutsky, V. S. Vysotsky, bathhouse, mythopoetics, purification, the past, the poetics of repetitions and homogeneous terms

FOR CITATION: Aleksandrov I. A. Mythopoetic Space of Banya in Poems of B. A. Slutsky and V. S. Vysotsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 103–113. DOI: 10.31857/S013161170024709-8.

Мифопоэтические образы, обусловленные архаичными представлениями о жизни и смерти, добре и зле, пространстве и времени, не отвечали доктрине соцреалистического искусства. Однако в литературе советского периода они не теряли своей актуальности и, более того, находили оригинальное художественное воплощение. Так, Б. А. Слуцкий и В. С. Высоцкий стали авторами двух разных и одновременно близких «мифопоэтических» текстов — «Баня» (опубликовано в 1955 г.) и «Банька по-белому» (опубликовано в 1977 г.).

Уже при беглом прочтении стихотворений становится очевидным их сходство в построении поэтики, основанной на многочисленных повторях и однородных конструкциях. В то же время понятна разница в их риторической установке. Если в тексте Б. А. Слуцкого слышатся отголоски гражданственности, гордость за подвиг своих соотечественников, то В. С. Высоцкий, наоборот, прибегает к исповедальному лиризму, повествуя о личном опыте — нелегкой доле заключенного. Однако, как мы видим, подобные расхождения не кажутся такими принципиальными в свете другого немаловажного аспекта. И у Б. А. Слуцкого, и у В. С. Высоцкого тема бани является лишь поводом для разговора об эпохальных событиях: Великой Отечественной войне и репрессиях. Мифопоэтический локус бани, связанный с ритуальным омовением и переходностью, становится временным порталом в прошлое. Поэтому мы предлагаем рассматривать баню как мифопоэтическое пространство. Под мифопоэтическим пространством в литературном произведении мы понимаем уходящую в архаику пространственную модель, не равную остальному миру. Это система координат, целостный образ, наполненный символизмом, обладающий магической способностью подчинять себе человека и его бытие, менять мир человека и его отношения со временем.

В связи с этим актуальны вопросы: насколько глубоки и значимы семантические переключки двух текстов в построении мифопоэтического локуса бани? Как синкретическое пространство перемещает героев в прошлое?

Как средства поэтики связаны с сюжетом перемещения в *разное*, но такое хронологически *близкое* трагическое прошлое?

Согласно наиболее распространенному пониманию, уходящему корнями в синкретические представления о жизни и смерти, баня — это место очищения человека, причем не только физического, но и духовного. Заголовок стихотворения Б. А. Слуцкого с точки зрения первично заложенной семантики исключает неоднозначность. Текст имеет линейное повествование и представляет собой рассказ о посетителях бани, героях, переживших войну как на фронте, так и в тылу, — одноруких инвалидах, матросах, партизанах, рабочих:

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы — те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одноруких спины
Один другому бодро трут.
Там тело всякого мужчины
Исчеркали война и труд...

Упомянутые герои, как и полагается в бане, проходят физическое очищение и достигают катарсиса («чувство острого блаженства»), что вытекает из семантики заглавия, поскольку блаженство — состояние внутреннее, психологическое. Словарь Д. Н. Ушакова дает следующее толкование существительного: блаженство — «высокая степень счастья, наслаждение» [Ушаков 2014: 40]. Но есть ли координаты того места, недостижимого мира, в котором простой человек способен испытать духовное и физическое преображение, если не сказать «воскресение»? Слуцкий, с одной стороны, дает ответ на этот вопрос и уточняет — «в периферийном городке». С другой стороны, такое обозначение — не что иное, как собирательный образ. Местоположение «городка» и самой бани не конкретизировано. Стоит обратить внимание на анафорическое построение с помощью указательного местоимения «там». Всего местоимение «там» встречается двенадцать раз, и в тексте оно звучит как грамматический конструкт мифологизации образа. Нетрудно расслышать в нем отголосок пушкинской сказочности. В посвящении поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» местоимение «там» является также лейтмотивным («Там чудеса...», «Там на неведомых дорожках...», «Избушка там...»)¹. В свете наблюдений «в периферийном городке» можно рассматривать как зачин, эквивалентный «в некотором царстве, в некотором государстве». Однако «периферийный» — это еще

¹ См. у Стёркиной Н. И. «Вы не были в раю районном?»

и окраинный, далекий от центра, т. е. приближенный к границе. В такой двойственности смыслов образ бани приобретает обогащенную мифопоэтическую природу.

Повествовательность стихотворения также в значительной мере содержит мотивы и образы, говорящие о мифопоэтизме и сказочности. Пройдя вахту — своеобразную границу миров — субъект оказывается в «мыльном зале», т. е. месте сакрального омовения. Локус «мыльного зала» становится рамочным с точки зрения композиции. Картина коллективного мытья, всеобщего очищения в «мыльном зале» последовательно раскрывается через фокусировку внимания на каждом человеке, разворачивается через галерею портретов. Подобная организация пространства соответствует идее всеобщего равенства, братства: «Там двое одноруких спину // Один другому сильно трут...». Коллективное переживание блаженства, с одной стороны, отвечает духу советского времени, с другой стороны, подчеркивает мифопоэтизм происходящего.

Упомянутые выше повторы «там», конструкция «одноруких — один другому», на наш взгляд, говорят об установке текста на устно-разговорную, а не литературно-книжную традицию. Примечательно, что начало и финал стихотворения — идейно значимые части текста — содержат повтор-обращение «вы не были» и ключевое слово «баня», с помощью которых образуется кольцевая композиция. Такие лейтмотивы — не единичный прием, а лишь пример поэтики повторов и однородностей. В частности, очевидно вплетение в речь одних и тех же и близких по семантике местоименных форм, или, как писал относительно таких фигур В. Е. Хализев, «вариаций», выстраивающих новый эпизод с добавлением. Такое решение определено несколькими функциями. В первую очередь это помогает выразить идею всеобщего равенства, служит приемом каталогизации образов («тело *всякого* мужчины»), является при этом элементом яркой синекдохи («Там по рисунку *каждой* травмы...»). Также такой прием фиксирует темпоральность, связанную с архетипностью сюжета («Читаю каждый вторник я...»). Мотив посещения бани строится на цикличности. Характерная регулярность ассоциирует время и пространство, придавая действию ритуальность. Как известно, на Руси и в дореволюционное время суббота, т. е. день, предвещающий воскресный поход в церковь, считалась банным (наиболее ярко, к слову, это отражено в рассказе В. М. Шукшина «Алёша Бесконвойный», где герой нарушает заведенное в колхозе предписание посещать субботние собрания и уходит париться в баню: «Что же он делал в субботу? В субботу он топил баню. Все. Больше ничего не делал». Банная ритуальность по силе превосходит социальные нормы и предписания). Относительно повторов и вариаций В. Е. Хализев высказывал следующее: «Нечто подобное исторически раннему эпосу явственно и в других жанрах

(сказках, балладах). Так, в пушкинской «Сказке о царе Салтане», наследующей фольклорную традицию, по несколько раз повторен ряд текстовых эпизодов: «Ветер на море гуляет/ И кораблик подгоняет»; «Ветер весело шумит,/ Судно весело бежит» [Хализев 2004: 278]. Если учитывать сказанное и допускать, что архаичный прием мог трансформироваться в более поздних художественных текстах, то напрашивается предположение: стилизованная под сказочность речь выступает вспомогательным средством передачи сюжета перехода и очищения. В свою очередь доминирующая однородность напоминает традиционную для фольклора бинарность, которая имеет множество вариантов, опционально исключаящих или дополняющих друг друга («гуси-лебеди», «долго ли, коротко ли», «молочные реки — кисельные берега», «живая вода — мертвая вода» и т. д.). В стихотворении «Баня» Б. А. Слуцкого такой ход является ключевым и встречаются следующие конструкции: «рубцы и шрамы», «война и труд», «волнуясь и ликуя», «визг и хохот», «бедствий и сражений», «согнуть и сгорбить», «кино и стадионом», и в самом конце «парились иль нет?». Вопросительная концовка как бы ставит под сомнение реальность. Но именно такое очищение ведет к перемещению в прошлое.

В центре внимания лирического субъекта оказывается, как уже было сказано, галерея портретов — фронтовиков и тружеников тыла. Герой стихотворения осмысливает войну снова, а физическое обнажение позволяет сказать правду о прошлом: «Читаю... Без лести и обмана драмы/ Или романы без вранья...». Понятие «война» приобретает визуальное выражение, раскрывающееся через татуировки, *тексты на теле*, благодаря которым герой словно *прочитывает* прошлое. Здесь и романтические «лиловые татуировки» плаваний матроса, и «Не забудем мать родную!» партизана. При всем очевидном чувственно-эмоциональном участии субъекта, психологизированном переживании прошлого, наиболее эксплицированном в строках: «Но бедствий и сражений годы // Согнуть и сгорбить не смогли// Ширококостную породу// Сынов моей большой земли...», Б. А. Слуцкий выбирает эпический тон повествования. Образ советского народа героизирован через индивидуализацию и в то же время обобщен формулой «сынов моей большой страны».

Итак, баня в одноименном стихотворении Б. А. Слуцкого — сакрализованное пространство, поскольку в нем очищение достигается путем омовения и равенства, что, в свою очередь, ведет к блаженству. Находящееся в неопределенном месте, оно способно переносить в прошлое. Финальные строки содержат концепт, исчерпывающий все эти смыслы, — баня называется *раем* («Вы не были в *раю* (курсив наш. — И. А.) районном?»). Согласование строится на фонетической игре (созвучие «*раю*» — «*районном*»), которая также является примером неполного повтора.

Война, труд, героизм — все эти понятия образуют внутренний мир героя Б. А. Слуцкого. В. С. Высоцкий в стихотворении-песне «Банька по-белому» говорит о другой стороне прошлого, используя при этом схожие приемы построения художественного пространства.

Заголовок «Банька по-белому» имеет расширенный семантический ореол. При считываемом лексическом значении (в бане по-белому дымоход, в отличие от бани по-черному, выходит наружу) подтекст раскрывается через лирический сюжет. Герой В. С. Высоцкого через исповедальность перемещается в прошлое. Рассказ о драматичных годах заключения приводит его к катарсису. Для передачи смысла очищения В. С. Высоцкий обращается к цветовому символизму *белого*. Е. В. Климакова отмечает: «Помимо того, что белый цвет является символом невинности других, чистоты, совершенства и т. д., он заключает в себе амбивалентное значение, единство жизни и смерти» [Климакова 2010: 105]. Стоит обратить внимание на то, что при отвлеченном восприятии словосочетание «банька по-белому» звучит как плеоназм, поскольку баня сама по себе — это место очищения.

Определение локуса сюжета очищения сопровождается уточнением пространственных координат. Первая строфа содержит упоминание:

На полоче, у самого краюшка
Я сомненья в себе истреблю...

В данных строках соединяется семантика пространственной пограничности и положения на краю (что лейтмотивно для поэзии В. С. Высоцкого в целом), и это координирует перемещение в прошлое. Семантика белого цвета, помноженная на подтекст пограничности и переходности, говорит о сакральности пространства. Баня в тексте Б. А. Слуцкого также находится в *периферийном* городке. На первый взгляд, у В. С. Высоцкого переход связан с чувством физического раскрепощения («Разомлею я до неприличности,/ Ковш холодный — и все позади...»). Однако именно пространство обладает синкретическим потенциалом. Строка «Я сомненья в себе истреблю...» постпозитивна по отношению к обозначению локуса («На полоче, у самого краюшка...»), из чего следует, что исповедальный настрой героя обусловлен именно *местом* нахождения.

Интонационно повествование о прошлом сродни рассказу о чем-то героическом. Во-первых, неисчислима сумма жизненного опыта, во-вторых, идейным ядром опыта, духовной опорой определяется вера: «Сколько веры и лесу повалено,/ Сколь изведено горя и трасс...». Прошлое ассоциируется с религиозной преданностью Сталину, о которой в настоящем напоминает татуировка. Так же, как и в стихотворении Б. А. Слуцкого, наковка — это символический текст о прошлом. Его словесное построение

говорит о сакральности — образ вождя вначале умалчивается, затем раскрывается. Автор прибегает к расшифровке перифразы:

...И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.
<...>
А на левой груди — профиль Сталина...

Герой В. С. Высоцкого недвусмысленно говорит о лагере («сколько лесу повалено») и через подтекст актуализирует мифологию жизни ГУЛАГа. Среди заключенных бытовала легенда о защитных свойствах татуировки в виде профиля И. В. Сталина на груди². Проходящая через текст вера оказывается не просто частью прошлого, но называется идеей, приводящей в *рай*. Однако очищение дает разуверение в рае и открывается горько-иронический смысл этого образа:

Застучали мне мысли под темечком,
Получилось — я зря им клеймен,
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Здесь идейный переворот сознания, переосознание «рая» как «мрачного времени» обусловлен балладным жанровым началом. Нельзя забывать, что «Банька по-белому» создавалась как песня. В. И. Козлов выделяет отдельный класс «мещанских баллад» В. С. Высоцкого: «Традиционная баллада как раз жанр мистический — трагедия, которая в ней случается, всегда имеет метафизическое объяснение: расплата за грехи, бесовство, Божья кара. А в “мещанской” балладе правит случай, произвольный и беспощадный» [Козлов 2015: 81]. Перипетийный разворот «Баньки по-белому», заключенный в стратегии «вера-разуверение», противоположен установкам мещанской баллады. Многолетний устой священного отношения к вождю разрушается только ритуально — путем *очищения* («И хлещу я березовым веничком/ По наследию мрачных времен...»). В этом аспекте построение вполне традиционно и основано на перипетии психологического сюжета. В то же время необходимо помнить, что повествовательная законченность является важной чертой баллады как лиро-эпического жанра вообще. В случае же с героем В. С. Высоцкого в психологическом сюжете сложно поставить точку — субъект остается в некотором промежуточном состоянии, обусловленном переходным

² О существовании легенды пишет, в частности, исследователь культуры уголовного мира А. А. Смирнов: «Считалось, будто бы такая “наколка” спасает “урку” от расстрела: чекисты не отважатся стрелять в изображения вождей. Потому и наносились профили Ленина и Сталина на грудь, либо слева, либо по обе стороны» [Смирнов].

пространством: «Пространство бани у Высоцкого является переходным между инфернализированным “раем” и “белым светом”, между длительной и тяжелой несвободой и еще не освоенной, нереализованной свободой» [Климакова 2010: 106].

Как минимум еще одна отличная от балладного жанра структура оказывается функционально оправданной. Именно она позволяет понять механизм временного перемещения героя. Разговор о прошлом ведется в доверительной интонации, обращение к «хозяйюшке» свидетельствует об очень личном переживании. «Хозяйюшка» — лицо, не равное остальной аудитории. Помимо балладного начала, таким образом, в стихотворении определимы элементы послания. Раскрепощенность в адресации, искренность позволяют посмотреть на прошлое без приукрашивания. Прошлое здесь — временная категория не социально-гражданского значения, но личного. Это, тем не менее, так же, как и в «Бане» Б. А. Слуцкого, ведет к подражанию фольклорной традиции. Отмеченная выше установка на повтор, заложенная в заголовке, является частью общей языковой структуры. Поэтика повторов и однородностей проявляется и в самой строфике, и в песенной композиции — рефренах-припевах. На протяжении текста мы видим конструкции: «раскалю... раскалю», «веры и леса», «горя и трасс», «а на левой груди... а на правой», «из Сибири в Сибирь», «на карьере ли, в топи ли», «слезы и сырца» — и, наконец, рефрен-припев:

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого свету отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Такие повторы и однородности являются не вспомогательными приемами, но одним из традиционных для В. С. Высоцкого риторических средств. Использование одинаковых слов и форм, а также близких по смысловому полю понятий — способ постижения пространства, освоения границ образа. Немаловажной языковой стратегией становится абсолютизация мысли, чувства и образа через особую лексико-тематическую интенсивность. «Риторический подход к языковым явлениям проявляется у Высоцкого на всех уровнях языка. На лексическом уровне — это тяга к исчерпыванию лексики и фразеологии той предметной области, за которую он берется....» [Хазагеров 1998: 105], — справедливо замечает Г. Г. Хазагеров. Лагерная и банная тема переплетаются, обозначаются следующими группами слов и словосочетаний: «полок», «ковш», «угорю», «пар», «протопи», «березовым веничком»; «наколка», «лесу повалено», «горя», «трасс», «два охранника», «Сибирь», «слезы», «сырца». Синтез пространства и времени происходит и на лексическом уровне, что формирует мифопоэтический характер ситуации перехода.

* * *

Как мы видим, произведения В. С. Высоцкого и Б. А. Слуцкого не просто сопоставимы по своей тематике. Лирическое повествование и у Б. А. Слуцкого, и у В. С. Высоцкого активно за счет поэтики повторов и однородностей. Различны идеи стихотворений. «Банька по-белому» показывает другую часть прошлого, без которой эпическая картина у Б. А. Слуцкого оказывается неполной. Общественное противопоставлено личному. В. С. Высоцкий как бы устраняет дискретность, показывая ложность идеологического пафоса, проходя психологический путь от веры к разуверению. Процесс очищения и омовения осуществляется в сакральном пространстве, которое помогает постигнуть случившееся — и у народа в целом, и у каждого человека в отдельности.

Источники

Высоцкий В. С. Своя колей: песни. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 480 с.

Пушкин А. С. Руслан и Людмила / Пушкин А. С. Избр. соч. В 2 т. Самара: Самарский дом печати, 1995. Т. 1. 703 с.

Слуцкий Б. А. Сегодня и вчера. Книга стихотворений. М.: Молодая гвардия, 1963. 184 с.

Шукшин В. М. Алёша Бесконвойный / Шукшин В. М. Калина красная. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2013. 800 с.

Литература

Климакова Е. В. Мифопоэтические аспекты творчества В. С. Высоцкого: дис. ... канд. филол. наук / Красноярск, 2011. 180 с.

Козлов В. И. Высоцкий — поэт с черного хода // Prosōdia. 2015. № 3. С. 79–93.

Смирнов А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/207212> (дата обращения: 30.06.2022).

Стеркина Н. И. Вы не были в раю районном? [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-06-06/13_984_bania.html (дата обращения: 28.06.2022).

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

Хаззагеров Г. Г. Две черты поэтики Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. 1998. Вып. II. С. 82–106. (In Russ.)

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.

References

- Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2004. 405 p.
- Khazagerov G. G. [Two features of Vysotsky's poetics]. *Mir Vysotskogo: issledovaniya i materialy*, 1998, no. 2, pp. 82–106.
- Klimakova E. V. *Mifopoeticheskie aspekty tvorchestva V. S. Vysotskogo* [Mythopoetic aspects of V. S. Vysotsky's creativity]. Diss. ... kand. filolog. nauk. Krasnoyarsk, 2011. 180 p.
- Smirnov A. A. *Velikie bitvy ugovnogo mira. Istoriya professional'noi prestupnosti Sovetskoi Rossii. Kniga pervaya (1917–1940 gg.)* [The great battles of the criminal world. The history of professional crime in Soviet Russia. Book One (1917–1940)]. Available at: <https://history.wikireading.ru/207212> (accessed 30.06.2022).
- Sterkina N. I. *Vy ne byli v rayu raionnom?* [Have you been to the paradise of the district?]. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-06-06/13_984_bania.html (accessed 28.06.2022).
- Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.